

Мурадова Ш.Г.

Азербайджанский государственный педагогический университет,
Азербайджан, г. Баку, e-mail: shafamuradova@mail.ru

ВЛИЯНИЕ НАСЛЕДИЯ НАСИМИ НА ТВОРЧЕСТВО МИРЗЫ ДЖАХАНШАХА ХАГИГИ

В этой статье исследователь, привлекая к изучению творчества Мирзы Джаханшаха Хагиги, сравнивает его с произведениями Насими. Идеи хуруфизма, отраженные в азербайджанской поэзии, основаны на его газелях.

Ключевые слова: наследие, софи, хуруфи, газель, творчество, влияние, поэзия.

Muradova Sh.G.

Azerbaijan State Pedagogical University, Azerbaijan, Baku, e-mail: shafamuradova@mail.ru

The Affect Of Nasimi's Heritage In Mirze Jahanshah Haqiqi's Creation

In this article the investigator had investigated Mirze Jahanshah's Haqiqi creation and had compared his creation with Nasimi's poems. The investigator had grounded on these examples brought from Haqiqi's gazells which promote the idea of Haqiqi's hurufism, reflection of the idea of hurufism in the poetry.

Key words: Heritage, sofi, hurufi, gazell, creation, affect, poetry.

Мурадова Ш.Г.

Әзірбайжан ұлттық педагогикалық университеті, Әзірбайжан, Баку қ., e-mail: shafamuradova@mail.ru

Мирза Джаханшаха Хагигидің шығармашылығына Насими мұрасының әсері

Бұл мақалада зерттеуші Мирза Джаханшаханың шығармашылығын оқуға көңіл аудара отырып, Насимидің шығармаларымен салыстырады. Әзірбайжан поэзиясында көрінетін хуруфизм идеялары оның ғазалдарына негізделген.

Түйін сөздер: мұра, сопы, хуруфи, ғазал, шығармашылық, әсер ету, поэзия.

Имя Мирзы Джаханшаха Хагиги, оценённого историками как «Самый сильный из падишахов Каракоюнлу», получило достойное место в истории азербайджанской литературы.

Мирза Джаханшах внимательно прочитал и усвоил низами, Хагани и Насими. Он даже дружил с персидско-таджикским писателем своего времени Абдуррахманом Джами и поддерживал с ним связь. Источники сообщают, что Хагиги отправил Джами один экземпляр совершенной рукописи дивана и великий персидско-таджикский писатель написал ему в ответ стихотворное письмо, состоящее из двадцати восьми бейтов.

После того, как Джами прочитал диван Хагиги, он оценил его каждую газель как «вечный источник блага», «новое восходящее солнце», «предвестник вечного освещенного восхода» и др.

В творчестве Джаханшаха Хагиги, пропагандирующего идеи хуруфизма и суфизма, больше всего чувствуется влияние Насими.

Говоря о средневековой азербайджанской литературе следует отметить, что поэзия этого периода, наряду с пропагандой суфийского мировоззрения, характеризуется широким отражением хуруфитских идей. Это можно связать с тем, что основатель хуруфизма Фазлуллах Наими был азербайджанцем. Правда, не смотря на то, что книги, повествующие о хуруфитском учении, написаны на персидском языке, поэзия, созданная на азербайджанском языке, смогла в совершенстве использовать это течение как средство литературного выражения.

Основоположник хуруфизма Наими начал широко распространять это течение с 1486

года (История азербайджанской литературы, 1960:216). Его учения о хуруфизме были изложены в «Джавиднаме».

Хуруфизм – это философско-политическое течение. Социальными факторами хуруфизма, в основе философии которого стоит концепция человека, стали невежество и ужас, зарождённые завоеваниями Тимура.

Основную сущность этого течения, которое верит в священность букв и объясняет тайны вселенной среди букв, составляет идея спасения человечества от невежества. Вера в священность букв начинается не с хуруфизма. Это вера также имела место в течениях, существовавших до хуруфизма. Например, течение, известное в иудейской философии под названием Каббализм, основано на священности древних иудейских букв.

Хуруфизм создан не только на основе священности букв. Хуруфиты стараются раскрыть тайны вселенной при помощи тайны букв. Они связывают тайну букв с человеком. Говоря о проявлении букв на лице человека, они подтверждают божественность человека, являющегося воплощением всех тайн (История азербайджанской литературы, 1943:136).

Опираясь на религию Ислам, хуруфиты отождествляют её со своими мнениями и идеями. Например, они говорят, что несколько аятов Корана повествуют о Фазлуллахе или что «Джавиднаме» Фазлуллаха Наими является Кораном. По их убеждению, материальность вселенной и духовные миры находятся в самом человеке. Они даже объясняли так, что пророк Мухаммад (да благословит его Аллах и приветствует) отправился в небеса, чтобы понять смысл линий на лице человека.

Хуруфизм, который видит проявление букв на лице человека, считает служение красивому человеческому лицу поклонением Аллаху. Как и его настоящий предшественник, Насими отражает этот момент хуруфизма в своих стихах, как и Насими указывает на то, что линии человеческого лица являются аятами Корана:

Xətti – güxün ki, ayeyi – səbül – məsan imiş,
Bu hüsn ilə xütüti – müəmməbər nə yerdə var?
(Хакики, 1986: 20)

(Черты твоего лица – это аяты Корана и они присущи только тебе.)

Использование слова «линия», являющегося одним из известных символов теософии, в этот момент ещё больше приближает поэта к хуру-

фитам. Так, сравнивая линии лица красавицы с первой сурой Корана, состоящей из семи аятов, он отмечает, что нет нигде таких ароматных линий.

Bu nə hüsnü – canfəzadır kim, ana nəzir yoxdur,
Kim anın kimi cahanda dilpəzir yoxdur (Хакики, 1986: 22)
(Что это за красота, что нет её подобной.)
Bu cəmalü xəttü xalə necə baxsın o nəzərsiz,
Kim anın bəsirətində nəzəri – bəsir yoxdur (Хакики, 1986: 22)
(Эту красоту не может увидеть глаз, который не может видеть красоту.)

Поэт рассказывает о красоте возлюбленной, воспевая идею, встречающуюся в творчестве многих поэтов, обратившихся к суфийским идеям. Но, по мнению Хагиги, тот, у кого нет ясновидящего глаза, не может увидеть эту красоту. Потому что те, у кого есть глаз в сердце, в каждом красивом лице видят Аллаха. В другом бейте он так отражает это высказывание:

Yüzün inna fətəhnadır təbarək şəninə münzər,
Bu vəchi əhsəni-surət deyənəg əhli-ürfandır (Хакики, 1986: 22)
(Твоё лицо – это аят Корана, религиозные люди знают, что это совершенное создание.)

Поэт называет тех, кто видит след от частицы Аллаха в красивом лице, то есть тех, у кого есть ясновидящий глаз «людьми знания».

Nəg kim ki qılmaya nəzər ol hüsnü surətə,
Yoxdur bəsirət anda gər əhli-bəsər ola. (Библиотека классической азербайджанской литературы, 1984: 243)
(Душевные глаза того, кто не смотрит на твоё прекрасное лицо, закрыты.)

По мнению поэта, не смотря на то, что у тех, кто не может увидеть красоту в этом образе, есть глаза, но у них нет видящего взгляда. В этом бейте Хагиги воспел идею воплощения Аллаха во всём.

Biçarə, eşqə neyləyə tədbirü çarəsin
Məşuqə şahı aləmi aşiq fəqir ola. (Библиотека классической азербайджанской литературы, 1984: 244)
(Лекарства не действуют на любовь потому, влюблённый должен быть бедным, хоть будь он шахом всего мира.)

По мнению Хагиги, нельзя помочь любви при помощи каких-либо средств или мер. Потому что даже если влюбится шах всего мира, для любви возлюбленной он должен быть бедняком. В этом бейте поэт в стихотворной форме изложил правило в суфизме сделать девизом бедность на пути любви к Аллаху.

Tövhid içində nüktəyi – əsararı bilmişəm,

Sahib – nəzər gərək ki, bu hala xəbər ola. (Библиотека классической азербайджанской литературы, 1984: 244)

(Для того, чтобы узнать Аллаха я узнал точку тайны, для того чтобы понять это, нужен человек, у кого открыт ясновидящий (душевный / внутренний) глаз.)

В единстве Аллаха я узнал точку тайны. Тот, кто видит, должен знать это. Говоря о «точке тайны», поэт подразумевает «Внутреннюю науку». По его мнению, тайную науку можно познать, только направившись к Аллаху, приняв Его единство. Принявших это, поэт называет «обладателями зрения».

Cənnəti – vəslə – dilbəri gəl tələb et İlahidən,

Cənnətə vasil olamayan irməz anın vüsalinə (Хакики, 1986: 88)

(Чтобы встретиться с возлюбленной проси у Аллаха попасть в рай, потому что человек, не заслуживший рай, не может достигнуть радости этой встречи.)

Проси у Аллаха попасть в рай. Потому что тот, кто не попадёт в рай, не увидит Его лика. Здесь поэт по-своему воспел и религию, и идею своего течения. Рай – это место, куда хочет попасть каждый праведник. Согласившись с мнением настоящих последователей течения, он говорит, что пространство нужно только лишь для того, чтобы увидеть лик Аллаха.

Mənsuri – eşq olanda Nəqiqi ze fəzli – həq

Anın müini ayətə – nemən nəsir ola. (Библиотека классической азербайджанской литературы, 1984: 244)

(Если даже Хагиги будет повешен ради любви Мансура, посланные Аллахом аяты помогут ему.)

Хагиги был поражён суфийским поэтом Мансуром, который был повешен потому, что сказал «Ан аль хакк»: В то время как Хагиги с добродетелью истины стал Мансуром на пути любви, аяты Аллаха помогают ему.

Yarın qəmində tərki – cahan etməyən könül

Ol can deyil ki, xilqət ana cavıdan ola. (Библиотека классической азербайджанской литературы, 1984: 244)

(Тот, кто не покинул этот мир от тоски по возлюбленной, тот не может заслужить существование в мире ином.)

По мнению поэта, тому сердцу, которое не покинуло этот мир, любовь к вселенной, не даруется вечность. В этом бейте поэт словами суфиев говорит, что «Тот, кто хочет удостоиться вечности Аллаха, должен забыть увлечение этого мира, получать удовольствие от печали на Его пути».

Yarəb, nə nur imiş ki, mənə yaxdı narına,

Yarəb, nə zat imiş ki, mənə çəkdi narına. (Библиотека классической азербайджанской литературы, 1984: 244)

(Господи, что это за свет, что обжёг меня, что за существо, что внушило в меня принести себя в жертву ему?)

Чтобы выразить свою влюблённость и удивление, используя слова «что это за свет», «что это за существо» поэт говорит: «что за сияние, обжигающее меня? Что это за свет, что я обжигаюсь им, что за существо, которое так привязало меня к себе. Я иду на виселицу на пути его и не отрекаюсь от этого пути. Смотри, какая любовь».

Qıldı münir aləmi şahidi – mən cəmal ilə,

Müshəvi – rəbb imiş ruhi ayətə – xəttü xal ilə. (Библиотека классической азербайджанской литературы, 1984: 245)

(Мой свидетель осветил мир своей красотой. Потому что черты его лица – это книга Аллаха.)

Мой свидетель осветил мир своей красотой. Когда поэт говорит «мой свидетель», он подразумевает Аллаха. И этим выражением он отмечает то, что Аллах является свидетелем всему. В этом бейте линии и знаки родинок на лице человека сравниваются с Кораном, посланным Аллахом. Этот момент в хуруфизме выражает идею того, что на линии человеческого лица написано слово «Аллах».

Zövqi – eşqin ki qami dünyəvü üqbayə dəyəq,

Bu könül təxtinə sultan dedilər, gerçəkmiş (Хакики, 1986: 47)

(Удовольствие от печали любви стоит этого и иного мира. Поэтому султан тот, в чьём сердце есть любовь.)

Поэт считает, что ценность тоски любовного наслаждения в примере этого мира и вечности, в таком случае, трон сердца можно назвать султаном. То, что тоска любовного наслаждения стоит обоих миров, понимается в этом смысле. Если влюблённый влюбляется, то он должен тосковать, это неизбежно. Словами суфиев, это называется наслаждением печалью. Что касается оценивания этого наслаждения миром и вечным миром, то влюблённый тоскует, поминает, то есть отдаляется от грязи этого мира. В то же время, так как этот мир является средством для того, чтобы заработать следующую жизнь, то влюблённый также выбирает путь вечности.

Mühibbə nüktəyi – tovhidi kəşf edər fail,

Götürdü pərdeyi – əsrarı çün rəvayətə eşq (Хакики, 1986: 47)

(Любовь открыла завесу тайны между Аллахом и человеком.)

Фаиль, то есть Аллах, раскрывает тайну единства, которая даёт понять точку едино-

божия. Потому что слово «любовь» раскрыла завесу тайны. Этим изречением поэт словно раскрывает место, значение символа любви в суфизме. Потому что, как уже многократно было отмечено в теософии, любовь это средство путника Аллаха. Хагиги видит здесь путь раскрытия тайны Аллаха в любви.

Hikmətinin nişanəsi oldu cahən bu ərsədə,
Fəili eşqin, ey könül, hikməti binişan deyil (Хакики, 1986: 61)

В этом месте вселенная стала признаком мудрости. Потому что мудрость любви не может быть без признака. Здесь поэт изложил одну из известных идей суфизма в том, что «внутри мира и всего, что есть в мире имеется след божественного света. Когда поэт говорит о месте, то он подразумевает землю. Указывая на то, что Аллах создал каждое существо с любовью, он отмечает, что земля является одним из признаков его мудрости.

İzzəti – eşq olan könül mültəfiti cahən deyil,
Eşqə müqəyyəd olmayan talibi laməkan deyil.
(Сердце, в котором есть любовь, не увлечено миром.
Невлюблённый не желает встречи с Аллахом.)

Xilqəti – xəlqi – aləmin əmri çü kafü nun imiş,
Kim ki bu rəmzi anlamaz, qabili kun fəkan deyil (Хакики, 1986: 61)

(Оказывается приказ о создании мира – это «каф» и «нун» (буквы слова «будь» на арабском), Те, кто не понимают этот символ, не могут узнать тайну мира.)

Любящее сердце не пристрастно к существованию вселенной. А невлюблённый не мечтает о безпространственности – любви создателя – багане, не требует того, чтобы быть с ним.

Оказывается, приказ всех миров, создания, созданных – это каф и нун, те, кто не понимают этот символ, не в силах понять значение слова «Он скажет будь и всё будет». Сказав это, поэт отмечает, что те, кто любят Аллаха, верят в то, что все существа созданы одним Его словом. Тот, кто ничего не знает об этой тайне, не сможет понять, зачем создан этот мир. Конечно, по мнению суфиев, те, кто знают тайну создания всего сущего, бывают праведными, думают лишь о встрече с Истиной и занимаются поминанием.

Sirri – ələstü rəbbiküm qalü bələdə qövl imiş,
Kim ki bu qövlü bilmədi, xilqəti – cavidan deyil (Хакики, 1986: 61)

Zərqi – riyası zahidin qabili – həzrət olmadı,
Zənnü güman içindədir, şübhəsi bigüman deyil (Хакики, 1986: 61)

(Оказывается, тайна этого мира написана заранее, те, кто не знают этого, не понимают смысла жизни. Отшельник (верующий) постоянно пребывает в сомнении потому, что он лицемер.)

Оказывается, тайна дня заключения завета Аллаха с человеком на пиру согласия очень древняя. Те, кто не знают эту тайну, это обещание, не созданы для вечной жизни. Именно поэтому уловка отшельника не осуществилась, потому что он сам не верит в свой уговор, своё поклонение. Слово Хагиги здесь раскрывает то, что отшельничество означает лицемерие. По мнению поэта, то, что отшельник не верен своему уговору из-за того, что он подозрительно относится к воле Создателя, правдивости его любви и веры. Отшельник поклоняется, но его цель неправильна, поэтому он превратился в символ лицемерия.

Как указано выше, одним из качеств, присущих творчеству Хагиги, – это то, что он использует творчество Насими.

Для того, чтобы показать влияние Насими на творчество Хагиги, было бы правильно обратиться к творчеству обоих поэтов.

Насими: Adəmin surətində səcdə qılanlar ki, səni
Gördülər, surəti – rəhman dedilər, gerçək imiş (Хабаби, 1921:20)

Хагиги: Əhli – təqva ki, sücud eylədi vəchində sənin
Sacidi – surəti – rəhman dedilər, gerçəkmiş (Хакики, 1986: 44)

Насими: Ta camalın müşəfindən oxuram “Səbülmesan”
Səbəxanəm, hafizəm təfsirdə ustad olmuşam (Хабаби, 1921:181)

Хагиги: Surəti inna fətəhndir, xəti ümmul kitab,
Ayəti – fəthən mübin ol surətin şanımdadır (Хакики, 1986: 27)

Насими: Ey Məsihadəm, nişə can vermədin cansızlara,
Ol ki, hər dəm can ilə aydır ki, canan sizlərə (Насими, 1991:47)

Нәқиқи: Ey Məsihadəm, sənin ənfasi – ləlin, aşiqə,
Nəfkeyi – ruhül – qüdsədən nitqi – İsa görsədir (Хакики, 1986: 36)

Насими: Sidreyi – tuba boyundur, sərvü həqqin həqqinə,
Üzünə “vəşşəms” gəldi, saçına “həblülmətin” (Хабаби, 1921:183)

Хагиги: Saçın səvadını vəlleylə qılmayan təşbih,
Yüzündə ayəti – vəşşəmsü vəzzüha bilməz (Хабаби, 1921:42)

Газель Хагиги с редифом “Boyundur sidrəvü tuba dodağın abi – heyvandır” напечатана в Иракском диване Насими, составленном Газанфаром Пашаевым, на 28 странице, в котором отсутствует один бейт. Так как этот стих встречается только в Ленинградском Экземпляре диванов, этот стих вошёл в число подозрительных сти-

хов во втором томе дивана Насими, составленного Джахангиром Гахрамановым в 1973 году. Следующего бейта в газели Насими нет у Хагиги:

Xətin ümmül kitabidir bəyani – əhli tövhidin,
Hürufi lövhi – məhfuzun müsəvvər şərhı Fürqandır
(Хабаби, 1921:28)

А следующих бейтов в газели Хагиги нет у Насими:

Cəmalın pərtövi – nuri münəvvər qıldı afaqı
Dodağın – abi heyvanı saçın zülmətdə pünhandır (Хакики, 1986: 15)

Vüsəlin həsrəti – nari məni yıxdı fərağında
Nə mahiyyətsən ey cam kim cəmalın huri – rizvandır
(Хакики, 1986: 15)

Причина этих ошибок объясняется тем, что автографы средневековых восточных классиков, произведения, написанные ими собственноручно, не дошли до нас. Поэтому в «диванах» и «Куллият»-ах произведения классических восточных поэтов, многократно переписанные советчиками и секретарями, принадлежащими к различным школам каллиграфии и отдельным литературным течениям, подвергаются определенным искажениям, внутри одного и того же текста проявляются различия во многих экземплярах.

Думаем, что по причине того, что есть мнение о том, что британский экземпляр дивана Хагиги является автографической рукописью и он редко встречается в экземплярах рукописей Насими, увеличивается вероятность, того что эта газель принадлежит Хагиги.

Литература

- 1 Араслы Г. Азербайджанская литература в XV – XVI веках. И.А.Л. I т. – Баку, 1976 (60).
- 2 Араслы Г. История и проблемы азербайджанской литературы. – Баку: Гянджлик, 1998. – 731 с.
- 3 Библиотека классической азербайджанской литературы, в 20 томах, III т. – Баку: Эльм, 1984. – 542 с.
- 4 История азербайджанской литературы. I том. – Издательство GAAF, 1943. – 288 с.
- 5 История азербайджанской литературы. – Баку: изд. ААН 1960, I том. – 578 с.
- 6 Хакики. Стихи. – Ереван: издательство Хазайтан, 1966. – 105 с.
- 7 Хакики. Избранные произведения. – Баку: Язычы, 1986. – 143 с.
- 8 Мумтаз С. Хабаби. Фугара Фьюзаты. – Баку, 1921. – № 3.
- 9 Насими. Иракский диван. – Баку: Язычы. – 336 с.
- 10 Насими И. В этот мир я не вмещусь. – Баку, Гянджлик, 1991. – 384 с.
- 11 Насими. Совокупность статей. – Баку: Эльм, 1973.
- 12 Фарзалиев Ш. Азербайджан в VI-XVI веках. – Баку, 1983.

References

- 1 Arasly G. Azerbajdzhanskaja literatura v XV – XVI vekah. I.A.L. I t. -Baku, 1976 (60)
- 2 Arasly G. Istorija i problemy azerbajdzhanskoj literatury. – Baku: Gjandzhlik, 1998, 731s.
- 3 Biblioteka klassicheskoj azerbajdzhanskoj literatury, v 20 tomah, III t. -Baku: Jel'm, 1984, 542 s.
- 4 Istorija azerbajdzhanskoj literatury. I tom. Izdatel'stvo GAAF, 1943, 288 s.
- 5 Istorija azerbajdzhanskoj literatury. -Baku, izd. AAN 1960, I tom, 578 s.
- 6 Hakiki. Stihi. -Erevan, izdatel'stvo Hazajtan, 1966, 105 s.
- 7 Hakiki. Izbrannye proizvedenija. -Baku, Jazychy, 1986, 143 s.
- 8 Mumtaz S. Hababi. Fugara F'juzaty. -Baku, 1921 № 3
- 9 Nasimi. Irakskij divan. -Baku: Jazychy, 336 s.
- 10 Nasimi I. V jetot mir ja ne vmeshhus'. - Baku, Gjandzhlik, 1991, 384 s.
- 11 Nasimi. Sovokupnost' statej. -Baku: Jel'm, 1973
- 12 Farzaliev Sh. Azerbajdzhan v VI-XVI vekah. -Baku, 1983